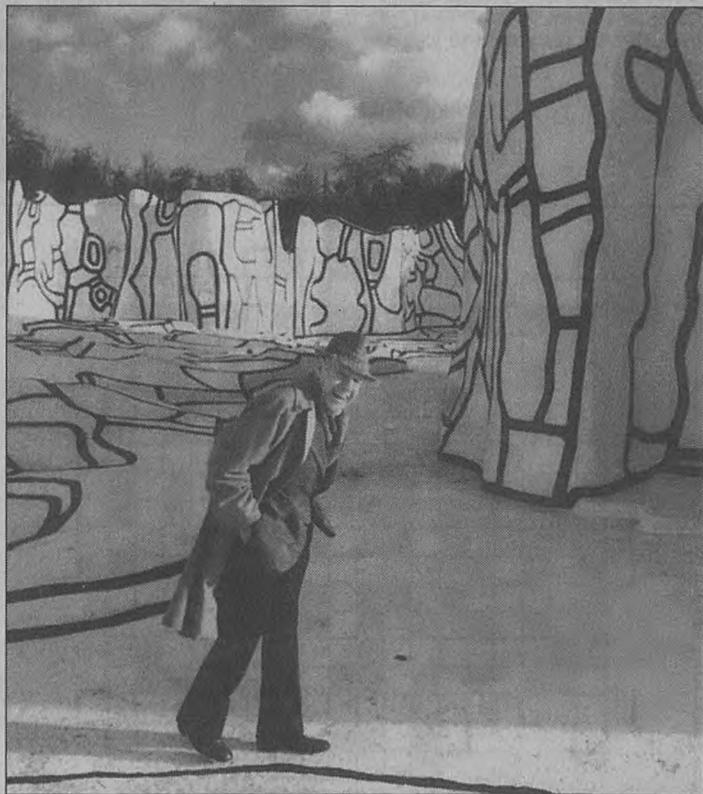

Культура — 2002 —
18 и 24 окт. —
с. 11

Маг-маргинал

Жана Дюбюффе не поняла богема 30-х годов. А теперь город художников им восхищается

Ж.Дюбюффе в созданном им лабиринте. 1978 г.

Маг, выводивший в тиши свои непонятные каракули. Нет, ниспровергатель классического искусства! Или просто малоприятный колдун. Не просто колдун, а чудотворец, рисовавший свои шедевры водой, отжатой из помойного ведра. Или терминатор от искусства, превративший в клоунаду даже модернизм? Известность Жана Дюбюффе при жизни нередко была такова, что его фамилию путали с фамилией великого Бернара Бюффе. Но сегодня, после нискавшей огромный успех персональной выставки, только что прошедшей в Парижском центре Помпиду, агрессивное, парадоксальное творчество этого художника наконец принесло его имени запоздалую, посмертную, но поистине уникальную славу. Он великолепно освоил искусство... не нравиться согражданам и шокировать их. Еще поныне некоторые из его работ заставляют ворчать ретроградов. А вот умные критики все чаще говорят, что нет в искусстве двадцатого столетия произведений более

новаторских и изобилующих находками, чем работы Дюбюффе.

Дюбюффе почти ровесник века — он родился в 1901 году в семье виноторговца и очень рано увлекся живописью. Семнадцатилетним юношей он приезжает в Париж, начинает творческий путь в городе, где творят Рауль Дюфи, Макс Жакоб, Тристан Тцара, Хуан Грис и Фернан Леже, но, соприкоснувшись с этими гениями, составившими славу французского искусства, молодой Дюбюффе не был оценен ими. "Мои приятели, — напишет он позже, — верили скорее в мою звезду писателя, чем живописца". Обескураженный, он в 1924 году уничтожает все свои картины и уезжает в Буэнос-Айрес... на четыре месяца, чтобы, вернувшись в Париж, попробовать пойти по стопам отца. Он теперь занимается оптовой продажей вина.

Но демон живописи не оставляет его. В 1933 году он снимает ателье, творит, снова в художественной среде. Тут он и встречает богемную красавицу, ставшую его же-

ной: Эмили Карлю по прозвищу Лили (женщины парижской богемы, дамы отнюдь не светские, а скорее уличные, имели прозвища). Лили была близкой подругой Кики с Монпарнаса — знаменитой эгерии парижских живописцев тридцатых годов. В те времена, когда Париж стал столицей абстрактного искусства, Дюбюффе окунается в жизнь простых людей, пытается делать искусство, лишённое богемного кокетства: марионетки, маски. Он увлекается игрой на аккордеоне. Снова продает вино... А в 1942 году, когда уже перевалило за сорок, возвращается к живописи. Он становится одиноким художником, презирающим все группы и творческие объединения. Он объясняет это так: "Мне представляется, что живопись должна быть табула раша, свободной от всех критериев, на которых до сих пор основывались наши эстетические воззрения". В этот период Дюбюффе работает как каторжник — с 6 утра до глубокой ночи. И наконец находит то, что искал: "Вот оно, то, что ни на что не похоже". Это действительно необычно — его гитами в искусстве оказываются детские рисунки, картины душевнобольных и маргиналов. Он восхищается ими и собирает целую коллекцию "примитивно-го искусства".

На тех ранних картинах Дюбюффе возникает странный мир, населенный фигурками движущихся человечков, нарисованных штрихами, как рисуют дети. В 1944 году с помощью друзей Дюбюффе устраивает свою первую выставку под названием "Городские и деревенские марионетки". Одним из его первых покупателей был Андре Мальро. В конце 40-х Дюбюффе в такой же технике принимается рисовать портреты своих друзей и покровителей, чем навлекает на себя их гнев и протестующие выступления. Франция не хочет признавать его своеобразного дарования... Но торговец картинами Пьер Матисс везет его работы в Америку. И там, за океаном, они вызывают интерес. Его работы приобретают богатые коллекционеры. Наконец-то удача улыбнулась Дюбюффе — а он в конце 40-х совершает три длительных путешествия в Сахару, к племенам туарегов, и живет их примитивной жизнью, последних дикарей на этой земле. А возвратившись, неожиданно вспоминает о втором своем таланте — литератора. Он публикует вызывающие, даже оскорбительные тексты в адрес официального искусства. Он становится пишущим интеллектуалом. И это тоже подчас вызывает гнев и протесты. И, конечно, интерес крити-

ков, которые тут же вспоминают, что в детстве Дюбюффе изобрел собственный язык — вот как глубоко его своеобразный, ни на кого не похожий талант.

Первые, еще глухие отзвуки международного признания — это 1960 год. В Музее декоративных искусств в Париже проходит его выставка. За ней следует выставка в Музее современного искусства в Нью-Йорке. А что же сам художник — он так долго выступал в роли провокатора почтеннейшей публики, его искусство так долго вызывало то скандалы, то проклятия, — нравится ли ему нравиться? А ему все равно. Этот лунатик живет в другом мире. Он изобретает новый стиль! Долой монохромную технику, в которой Дюбюффе часто работал до сих пор. Его воображение — по-прежнему сродни детскому — теперь выдает веселую и разноцветную хронику городской жизни под названием "Париж-Цирк". 1962 год — снова резкая смена стиля. Однажды, разговаривая по телефону, он машинально нарисовал шариковой ручкой бессмысленные фигурки, обведя их красными и синими полосками. Так родилась его новая манера, соединяющая фигуративность с абстракцией, и его стали называть изобретателем автоматического письма в живописи.

Ж.Дюбюффе и Д.Рокфеллер. 1972 г.

В конце 60-х Франция понемножку узнает его... но безусловное признание так и не пришло. В 1973 году автомобильный завод "Рено" заказал ему оформление "летнего салона" — гигантское произведение из бетона и слоеной резины. Макет был принят к исполнению, и работы начались. Годом позже новый управляющий "Рено" отказался подписать контракт на продолжение реализации проекта. Судебная тяжба длилась восемь лет, и суд постановил все-таки прекратить работы. Старый художник ответил в печати, живо и язвительно написав, что процесс не имел смысла, да и само предложение тоже: нет никакого резона навязывать свое творчество людям, которым оно не нравится.

В 1985 году Дюбюффе умер. И вот сейчас, спустя семнадцать лет, Франция изучает его работы, о нем издаются книги, а недавно прошедшая в Центре Помпиду его выставка пользовалась огромным успехом. Ниспровергатель основ, колдун, рисовавший помойной водой, любивший простоту, умудрявшийся писать сложнейшие картины в технике примитивного детского рисунка, предпочитавший хлеб сладкому пирогу, народное вино — дорожному, а фантазии мальчишки — мыслям профессоров, Жан Дюбюффе наконец занял свое необычное место во французской послевоенной культуре. Он — один из тех немногих, кто действительно мог сказать, что его картины покупают за большие деньги — правда, за океаном. Так тот, кто не любил музеи, потому что "туда ходят как на кладбище — всей семьей по воскресеньям, входя на цыпочках и боясь сказать хоть словечко", стал классиком французской живописи, и знатоки искусства, завсегдагаи музеев на все лады восхваляют его творчество. Теперь этот сын виноторговца, рано почувствовавший призвание художника, волею судьбы ставший одиноким артистом и рыцарем нетрадиционной живописи, наконец в том ряду, который в тридцатые годы не принял его.

По материалам зарубежной печати подготовил
Дмитрий САВОСИН

По сообщениям
корреспондентов
"Культуры" и ИТАР-ТАСС